

УДК 81:1
ББК 81
М – 315

Масленникова Анастасия Владимировна, ведущий научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Ейского историко-краеведческого музея им. В.В. Самсонова, т.: 8-918-114-72-34.

ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В.С.СОЛОВЬЕВА

(рецензирована)

Объект исследования – концепт «добро», предмет – лексические единицы разных языковых уровней (лексемы, словосочетания, предложения, контексты), репрезентирующие лингвокультурную аксиологию концепта «добро» в языке трактата русского философа В.С.Соловьёва. Цель – выявить соответствие между традиционным и индивидуально-авторским пониманием добра. Философ, наследуя традиционное толкование, привносит в него дополнительные дефиниционные признаки агентивности.

Ключевые слова: концепт, ценность, добро, зло, лингвокультурология.

Maslennikova Anastasia Vladimirovna, leading researcher of the scientific exposition department of V.V. Samsonov Yeysk Historical Museum, t.: 8-918-114-72-34.

VALUE DOMINANTS OF V.S. SOLOVJEV'S CONCEPTUAL SPHERE

The object of study is the concept "good", the subject is lexical units of various linguistic levels (tokens, phrases, suggestions, contexts), representing the linguistic cultural axiology of the concept "good" in the language in the Russian philosopher V. S. Solovyov's treaty. The purpose is to identify the correspondence between the traditional and individual understanding of 'good'. Philosopher, inheriting the traditional interpretation, brings a further definitional agentive attributes.

Keywords: concept, value, good, evil, cultural linguistics.

Язык отражает мир с различных сторон. Прежде всего, в языке представлена объективная действительность (предметы, свойства, действия, включая человека с его мыслями, чувствами, поступками, и их соотношения), однако в языке отражается также взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является ценностный, или оценочный аспект: объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т.п., и это вторичное членение, обусловленное социально, достаточно сложным образом отражено как в культуре вообще, так и в языковых структурах в частности.

Следует согласиться с утверждением В.А. Масловой, что языковая информация о системе ценностей свидетельствует об особенностях мировосприятия народа [1, с. 50-51]. Менталитет каждой нации или индивидуума является выражением системы ценностей. О.А. Дмитриева отмечает, что ценности подкреплены внутриличностными, более глубокими формами контроля [2, с. 155]. Однако, несмотря на бесспорность и важность ценностного компонента в культуре и языке, до сих пор проблематичным считается наличие лингвистических показателей ценности в лексической единице. Оспаривая мнение ученых, отрицающих такие показатели, Ю.В. Мещерякова утверждает: «Ключевым для изучения специфики ценностей в естественном языке является понятие культурно-языкового концепта» [3, с. 210]. Мы считаем это положение аксиоматичным, полностью его разделяем.

Концепт отличается ментальной природой и акцентуализацией ценностного элемента: центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Ценностный компонент концепта, наряду с понятийным и образным, имеет лингвистическое проявление, отражающееся в лексических единицах и текстах.

Ценностный компонент концепта стал объектом многочисленных исследований аксиологической лингвистики. В центре любого аксиологического исследования лежат понятия добра и зла, пользы и вреда, хорошего и плохого.

Для каждой исторической эпохи, каждого народа характерно свое понимание (смыслонаполнение) данных лексем (и концептов), особая языковая аксиосфера. Подтверждение данной мысли находим в сочинении Н.О. Лосского, который отмечал: «Русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла; он зорко подмечает несовершенство всех наших поступков, нравов и учреждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра» [4, с. 241]. Помимо этого, в языковой аксиосфере взаимодействуют социальный (общественный) и личностно-индивидуальный уровни, в результате чего формируется ее содержание. Одно из направлений взаимодействия – усвоение личностью ценностных норм в процессе социализации, взаимодействия с обществом. Другое направление идет от самой личности, от форм ее жизнедеятельности, личностного опыта и ценностных ориентаций, которые могут перерасти в ценности всего социума. Особенно ярко это можно проследить на примере работ В.С. Соловьева, философские воззрения которого оказывали весьма значительное влияние на языковую аксиосферу середины XIX и 1-ой половины XX веков.

Всесторонне образованный человек, оригинальный религиозный мыслитель В.С. Соловьев (1853-1900 г.г.) является автором многочисленных работ по философии, в которых важное место занимает проблема добра и зла. Свое толкование понятий добро и зло философ наиболее полно изложил в трактате «Оправдание добра», где добро трактуется как одна из трех составляющих нравственности, понимаемой также как добродетель. Определение лексемы «добро» как одной из категорий нравственности соответствует общепринятому научному ее пониманию, отраженному в различных толковых, философских и лингвистических словарях. Однако, подчеркивая признак нравственности добра, Соловьев не отменяет и общественную, социальную значимость данной ценности: *«Степень подчинения лица обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру, без связи с которым общественная среда никаких прав на человека не имеет»* [5, с. 98]. Отмечая признак общественной значимости в дефиниционной семантике понятия «добро», философ подчеркивает подчиненное положение данного признака по отношению к признаку нравственности и воспитательному характеру самой ценности.

Активность, действенность (агентивность), деятельность находятся в ряду центральных дефиниционных характеристик концепта «добро», чему подчинены почти все другие значения: *«По качеству преодолевающей жизненной мотивации можно различать добрую душевную натуру от злой, и поскольку добрая натура, как известно из опыта, подлежит мотивированному укреплению и развитию, а злая – мотивированному исправлению и преобразованию...»* [5, с. 89]. В семантике концепта «добро» признак агентивности тесно связан с признаком сознательности добра: добрый поступок должен быть не столько сделан, сколько осознан, внутренне мотивирован, в противном случае он не является добрым: *«Бессознательное автоматическое совершение добрых поступков не соответствует достоинству человека, а следовательно, не выражает человеческого добра»* [5, с. 91].

Рассматриваемые признаки добра, однако, не противоречат убеждению философа в изначальной доброй сущности человека, свойственного русскому национальному сознанию, а лишь указывают на возможный путь преодоления злого начала в человеке, которое порождается обществом, средой – миром жизни: *«Человек в принципе и по назначению своему есть безусловная внутренняя форма для добра как безусловного содержания; все остальное условно и относительно»* [5, с. 45].

В.В. Соловьев отмечает условия, по которым добро способно превратиться в зло: прежде всего – это абсолютная бездумная покорность, доверие внешнему авторитету; во-вторых, сама жизнь представляет собой источник зол: *«Этот внутренний смысл и внутреннее добро присущи всякому от природы, но они подавляются, искажаются, и превращаются в бессмыслие и зло благодаря различным историческим формам и учреждениям: государству, церкви и культуре вообще»* [5, с. 60]. Таким образом, добрый смысл жизни не может быть принят извне по доверию к какому-нибудь внешнему авторитету (традиции, государству, церкви), как что-то готовое; он должен быть понят, усвоен самим человеком, его верой, разумом, опытом, тогда изначальное доброе не искажается, оставаясь таким, как есть. Сознательность, активность добра есть необходимое и единственное условие нравственно-достойного бытия.

В трактате Соловьева концепт «добро» имеет еще одно значение – «благо». Для философа характерно, что одно и то же понятие «зло» одинаково выражает противоположность и добродетели,

и благополучию – злом одинаково признается и злодейство, и злополучие, что явно свидетельствует о внутреннем сродстве между добром и благом, которые, впрочем, и сами по себе нередко отождествляются в общем словоупотреблении, замещаясь одно другим.

Однако между добром и «благом», в понимании Соловьева, существует хотя и условное, но, тем не менее, различие: *«нравственное добро - это способ действительного достижения настоящего блага, или блаженства, т.е. такого, которое может дать человеку устойчивое и окончательное удовлетворение»*; благо – это *«прямое, всеобщее и необходимое следствие добра», «безусловная желательность и действенность добра»*, и поэтому *«они друг друга не покрывают, благо отделяется от добра и в этой отдельности понимается как благополучие»* (т.е. благо без добра есть благополучие). Другими словами, добро отделяется от блага не внутренним существом своих требований, а лишь внешними препятствиями в их исполнении, и, следовательно, отличается от блага тем, что обладает атрибутивным признаком – необходимого преодоления внешних препятствий.

Особенностью понимания Соловьевым лексемы «добро» является выделение в структуре концепта некоторой смысловой доминанты – Абсолютного Добра («добро по существу»), наделяемой особыми дефиниционными признаками, отличающими его от «добра не по существу». Это признаки всесторонности, всеильности, всемогущества, а также чистоты, полноты и силы: *«Добро само по себе ничем не обусловлено, оно все собою обуславливает и через все осуществляется. То, что оно ничем не обусловлено, составляет его чистоту; то, что оно все собою обуславливает, есть его полнота, а что оно через все осуществляется, есть его сила, или действенность»* [5, с. 56-57].

Абсолютное Добро – добро по существу – единственное добро, которое мы можем принимать безусловно, ибо оно – вне жизни, вне каких-либо источников зла: *«Принимать безусловно следует только то, что само по себе, по существу своему есть добро, а отрицать безусловно следует только то, что само по себе, по существу есть зло»* [5, с. 105]. Абсолютное Добро соотносится с добром как сущность и формы ее проявления.

Олицетворением, персонификацией Абсолютного Добра является Бог, а осуществление Абсолютного Добра является окончательной целью всякой жизни и деятельности: *«Разумею Добро по существу; оно и только оно оправдывает себя и оправдывает доверие к нему. И не напрасно перед открытым гробом, когда все другое очевидно и не оправдалось, мы слышим обращение к этому существенному Добру: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием твоим»* [5, с. 42].

В мире жизни человек способен видеть, познавать лишь отдельные формы проявления Добра, т.е. добро не по существу. Подменяя понятие Абсолютного Добра добром относительным, приравнивая их друг к другу, человек совершает большую ошибку: он, уверенный, что делает нечто доброе, на самом деле творит зло. Целью жизни человека должно быть Добро, и только Добро в его безусловном существе, которое не подчинено никакой случайности, никаким внешним ограничениям и потому дает действительное удовлетворение, истинный и полный смысл всей жизни.

Таким образом, для языковой аксиосферы В.С. Соловьева характерно не только общераспространённое толкование лексемы «добро», но и надделение данного концепта дополнительными дефиниционными признаками агентивности, сознательности и относительности по отношению к высшему, Абсолютному Добру. Для В.С. Соловьёва основополагающим семантическим признаком концепта добра является его действенность, так как сознательность, активность добра есть необходимое и единственное условие нравственного достойного бытия.

Литература:

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.
2. Дмитриева О.А. Типы моральных оценок в текстах пословиц и афоризмов // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. С. 154-161.
3. Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской культурах // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. С. 209-215.
4. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики. Характер русского народа. М., 1991.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М., 1996. .